

DOI: 10.17689/psy-2016.1.3

УДК 159.9.07

**Применение теории динамики идентичности для описания
взаимосвязи человека и социальной реальности**

© 2016 Суворова Ирина Юрьевна*,

*соискатель кафедры социальной и дифференциальной психологии

Российского университета дружбы народов (Москва), i.suvorova89@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу теории динамики идентичности Г. Брейквелл. Описывая формирование идентичности в социальном контексте, данная теория не отвечает на вопрос о структуре идентичности и особенностях конструирования социальной реальности в случае, когда связь с контекстом нарушается. В статье делается предположение о том, что отвержение социальной реальности связано с нарушением структуры идентичности. Гипотеза подтвердилась эмпирически ($0,319 < r < 0,424$; $0,01 < p < 0,05$).

Ключевые слова: идентичность, самооценка, конструирование социальной реальности, нарушение структуры идентичности, диффузная идентичность, механизмы ассимиляции-аккомодации.

**Application of the theory of the dynamics of identity to describe the
relationship of human and social reality**

© 2016 Suvorova Irina Yuryevna*

Competitor of the Department of Social and Differential Psychology of the
Russian Peoples' Friendship University (Moscow), i.suvorova89@gmail.com

Annotation: This article analyzes the theory of the dynamics of identity G. Breykvell. Describing the formation of identity in a social context, this theory does not answer the question about the identity of the structure and features of the construction of social reality in the case when the connection is broken with the context. The article makes the assumption that the rejection of social reality due to the violation of the identity structure. The hypothesis was confirmed empirically ($0,319 < r < 0,424$; $0,01 < p < 0,05$).

Keywords: identity, self-esteem, social construction of reality, identity breach structure diffuse identity, assimilation, accommodation arrangements.

В мае 1993 года на конференции *Европейская Идентичность: Социально-психологический анализ социальных изменений*, созданной с целью поднятия вопроса о кризисе идентичности, связанным с формированием Европейского Союза, была сформулирована задача создать теоретическую модель, которая бы объясняла взаимодействие между человеком и социальной системой [Lyons, Breakwell, 1996]. Все предложенные позже модели базировались на теории социальной идентичности А. Тэшфела [Tajfel, 1984] и описывали идентификацию с определенной социальной группой и копинг стратегии в случае негативной социальной идентичности [Mummundey et al, 1996; Trew, Benson, 1996; Hopkins, Reicher, 1996]. По сути, здесь рассматривалась линейная причинно-следственная связь «если человека окружают условия X , то он продемонстрирует реакцию Y », где упускается само содержание механизмов, происходящих с психикой человека, погруженного в конкретные условия. Мы предполагаем, что причина этого упущения базируется на истории формирования идей в социальной психологии. Так, в предложенном Дж. Брунером [Bruner, 1995] подходе *New Look*, оказавшим значительный вклад в

формирование когнитивизма в том виде, в котором он существует сейчас, отношения между человеком и социальной системой в пределах межгрупповых и внутригрупповых процессов, где формируются установки по отношению к другому человеку, группе, или себе в контакте с ними.

Среди перечисленных моделей выделяется теория динамики идентичности (Identity Process Theory - IPT) Г. Брейквелл, нацеленная не только и не столько на описание причинно-следственных связей, а описанию самих механизмов идентификации.

Г. Брейквелл, ученица и последовательница Г. Тешфела, создала свою теорию на критике теории социальной идентичности, которую рассмотрела прежде всего как теорию конфликта [Breakwell, 2010]. Если теория социальной идентичности по сути представляется теорией межгруппового конфликта, где поиск позитивной идентичности является основным мотивом для межгрупповой дискриминации [Tajfel, 1984], то Брейквелл видит своей задачей описать социальные процессы, которые формируют идентичность, соединить социальное и личностное [Breakwell, 1993, 2010].

В основе теории динамики идентичности лежит представление о том, что идентичность – это динамический социальный продукт взаимодействия памяти и сознания, и организованна физической и социальной реальности, которые реализуются в определенном социальном контексте. Принципиальным отличием теории Г. Брейквелл от теории социальной идентичности является отсутствие деления идентичности на личностную и социальную. Все социальные характеристики, через которые человек себя рассматривает, являются также и личностными характеристиками и являются его биографией [Breakwell, 2010]. В феноменологии идентичности можно выделить два вектора – содержание и оценка. Содержание состоит из совокупности любых

индивидуальных характеристик. Это могут быть как социальные характеристики (групповое членство, роли, отнесенность к социальным категориям, пр.), так и индивидуальные (ценности, установки, когнитивный стиль) [Breakwell, 2010].

Как и в теории социальной идентичности, в теории Брейквелл идентичность формируется под влиянием социального контекста, обусловленного определенным историческим периодом. Анализируя социальный контекст, Брейквелл также выделяет его структуру и динамику. Структурно социальный контекст реализуется в межличностных социальных сетях и межгрупповых взаимоотношениях. Групповое членство очерчивает рамки социальной реальности, разделяемой всеми ее членами. Здесь Брейквелл тесно связывает формирование идентичности с конструированием социальных представлений, интегрируя теорию динамики идентичности с теорией социальных представлений С. Московичи [Breakwell, 1993], полагая, что социальный контекст будет выделять актуальные аспекты идентичности с одной стороны, и люди будут замечать те стороны социальной реальности, созвучные их внутренним конструктам. Проверять это утверждение, M. Lamu, J. Liu и C. Ward [2011] исследовали различия в структуре идентичности трех этнических групп с различной историей: евреи, племя Маори, китайцы с Новой Зеландии. В результате было обнаружено, что в нарративах каждого опрашиваемого делались акценты на события, перекликающиеся с судьбой его народа.

Связь между контекстом и социальной идентичностью обеспечивается механизмами ассимиляции-аккомодации. Ассимиляция и аккомодация – два компонента одного и того же процесса. Ассимиляция отражает встраивание новых элементов в структуру идентичности. Аккомодация представляет собой

регулировку элементов в структуре идентичности для освобождения места для новых конструкторов. Эти два процесса происходят благодаря интернализации социальных конструкторов (социальные роли, нормы и ценности) во внутренний план личности [Levine, 1999] и отражают важность каждого из элементов в структуре идентичностей [Breakwell, 2010].

Брейквелл рассматривала формирование идентичности и социальных представлений как неотъемлемый процесс интеграции человека в системе социальных и культурных отношений, однако история полна ситуаций, когда интеграция человека в систему социальных отношений осложнена рядом обстоятельств. Так, распад Советского Союза и становление Российской государственности привели к необходимости выработать новые социальные категории, к которым можно было принадлежать и относительно которых оценивать свою эффективность. Именно на этот период приходится всплеск исследований, посвященных кризису идентичности [Данилова, Ядов, 2004; Иванова, 2002; Козлов, 2002]. Изучение нарушения восприятия социальной реальности изучено гораздо хуже. В обзоре источников, описывающих конструирование социальной реальности, нам удалось выявить два списка таких факторов. Первая группа факторов была предложена П. Голдбергом и включает пять факторов [Gallimore, Goldenberg, Wiesner, 1993]: индивидуальное настоящее, значимые в культуре ценности и ожидания, социальные требования к личности, скрипты поведения в обществе, цели и мотивы личности. Вторая группа факторов была предложена Е.П. Белинской [Белинская, 2004]: образ будущего, эмоциональное переживание настоящего, представление о собственной активности. Эти две группы факторов дополняют друг друга, образуя две плана конструирования социальных объектов: непосредственно социальную реальность и восприятие человеком себя в ней,

или широкий социальный контекст и ближайшее окружение, соответственно. К первому плану относятся такие факторы, как восприятие ценностей, требований, норм и скриптов. Ко второй – образ индивидуального настоящего, образ индивидуального будущего, представление о своей эффективности, цели и мотивы.

Следовательно, целью данной статьи является применить теорию Г. Брейквелл к изучению особенностей структуры идентичности и восприятия социальной реальности в случае, когда человек не может интегрироваться в систему социальных отношений. Предполагается, что в случае отвержения системы социальных отношений процессы ассимиляции-аккомодации нарушаются, что приводит к невозможности сконструировать социальную реальность и структуру социальной идентичности.

Эмпирическая проверка модели. Целью данного исследования является проверка теоретической модели, взаимосвязи человека с социальной системой, а именно нарушение структуры идентичности и конструирования социальной реальности в результате нарушения механизмов интернализации-экстернализации.

Мы предполагаем, что невозможность принять социальную реальность приводит к нарушению процессов проекции-интроекции, что отражается в нарушении структурного и оценочного компонентов идентичности и восприятия социальной реальности. Следовательно, гипотезы данного исследования сформулированы следующим образом:

Гипотеза 1. Отвержение социальной реальности связано с нарушением структуры идентичности и восприятия социальной реальности.

Гипотеза-следствие 1.1: Отвержение социальной реальности коррелирует с нарушением структурного компонента идентичности.

Гипотеза-следствие 1.2: Отвержение социальной реальности коррелирует с низкими показателями оценочного компонента идентичности.

Гипотеза-следствие 1.3: Отвержение социальной реальности коррелирует с нарушением восприятия социальной реальности.

Гипотеза 2. Существует взаимосвязь между нарушением структуры идентичности и нарушением восприятия социальной реальности.

В исследовании приняло участие 70 человек в возрасте от 19 до 56 лет, 43 женщины и 27 мужчин. Нарушение интеграции в социальную систему принято изучать на примере социально неблагополучных людей [Sen, 2000], однако в данном исследовании выборка подбиралась рандомно для того, чтобы избежать влияния экономической и другой депривации на конструирование идентичности и восприятие реальности. Предполагалось, что принятие социальной реальности будет обнаружено с помощью опросников.

В рамках исследования был использован следующий инструментарий: исследование структуры социальной идентичности (модифицированные репертуарные решетки Дж. Келли), авторский опросник на определение оценочного компонента идентичности, авторская методика на восприятие социальной реальности, шкала принятия социальной реальности.

Инструментарий. Исследование структуры социальной идентичности

Данная методика является авторской модификацией методики репертуарных решеток Дж. Келли. Решетка состоит из элементов – социальных ролей, которые респондент вписывает самостоятельно, и конструкторов – ситуаций, через которые характеризуются вписанные социальные роли. Респонденты ранжировали вписанные ими социальные роли относительно каждого из конструкторов. В результате обработки данных и выделения ядер во время апробации методики были выявлены три структуры:

простая идентичность, сложная и диффузная [Marcia, Friedman, 1970; Суворова, в печати].

Определение оценочного компонента идентичности

Авторский опросник был составлен на основе самоотчетов людей с простой и сложной идентичностью [Suvorova, 2014]. Составленный на этой основе опросник включал 29 вопросов. После пилотажного исследования были отобраны 15 вопросов, набравшие коэффициенты U Манна-Уитни для групп, включенных и исключенных людей. Последующий факторный анализ выделили три фактора: фактор I – чувство контроля над реальностью; фактор II – самооэффективность; фактор III – социабельность. Далее, для проверки конструкторной валидности [Шамшиков, Волохова, 2011] проверялась соответствие конструкторов составленного нами теста с опросником «Методика исследования самоотношения - МИС» С.Р. Панталева [Панталева, 1993]. Тест МИС оценивает сферы самосознания личности, куда входят шкалы открытости, самоуверенности, саморуководства, ожидания о себе, самооценности, самоприятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение. Если авторская методика составлена верно, то должна быть корреляция между чувством контроля над реальностью, самооэффективностью и социабельностью с такими шкалами МИС, как самоуверенностью, саморуководством и самооценностью. В результате была обнаружена сильная связь как внутри теста, так и между шкалами обоих тестов ($0,415 < r < 0,543$; $0,01 < p < 0,05$). Надежность теста $\alpha = 0,952$, что является очень высоким показателем внутренней согласованности вопросов [Суворова, в печати].

Исследование компонентов восприятия социальной реальности

Для исследования этого показателя использовалась модифицированная методика «Незаконченные предложения», обрабатываемый в последствии с

помощью контент-анализа [Suvorova, 2014]. Предложения составлялись на основе таких выделенных в теоретическом анализе параметров, как восприятие социально-экономической и политической ситуации в стране в целом, а также оценка своих перспектив в ней. Респондентам предлагались 56 предложений, которые нужно было закончить первым, что придет в голову. В пилотажном исследовании были отобраны 15 вопросов, и на их основе были выделены следующие факторы: фактор I – актуальные возможности; фактор II – оценка перспектив; фактор III – гибкость по отношению к ценностям общественной системы. В каждый из факторов попали вопросы, касающиеся как ближнего, так и дальнего окружения. Было сделано предположение, что в норме они отражаются единой смысловой единицей.

Надежность теста $\alpha = 0,621$, что является допустимым показателем внутренней согласованности вопросов. Валидность опросника проводилась с помощью корреляции со шкалой общей самооэффективности в адаптации В.А. Боярцевой [Боярцева, 2003], шкал интереса к жизни и согласованности между поставленными и достигнутыми целями Индекса жизненной удовлетворенности в адаптации Н.В. Паниной [Панина, 1993]. В результате была обнаружена статистически достоверная связь между шкалами тестов ($0,279 < r < 0,514$; $0,01 < p < 0,05$) [Суворова, в печати].

Принятие социальной реальности

Шкала принятия была выделена во время обработки данных методики «Незаконченные предложения», описанной выше, и включает вопрос: «Я принимаю социальную реальность».

Результаты. Для проверки гипотезы 1 о взаимосвязи отвержения социальной реальности и нарушения внутренних конструктов личности необходимо проверить три гипотезы-следствия: корреляция между

отвержением и нарушением структурного компонента идентичности; корреляция между отвержением и оценочным компонентом идентичности; и, наконец, корреляция между отвержением и нарушением восприятия социальной реальности.

Отвержение социальной реальности и нарушение структурного компонента идентичности

Прежде всего, была вычислена корреляция между переменными идентичность и принятие. Корреляция не дала значимых результатов. Эти данные подтверждаются вычислением частоты принятия социальной реальности среди людей с диффузной идентичностью. Так, из них 31% не принимают социальную реальность, 20,7% не имеют однозначного ответа, и 44,8% принимают социальную реальность (табл. 1).

Таблица 1. Распределение частот принятия социальной реальности у людей с диффузной идентичностью

Невозможность принять социальную реальность, %	Неоднозначная оценка, %	Полное принятие социальной реальности, %
31	20,7	44,8

Качественный анализ показал, что среди тех, у кого отмечена диффузная идентичность в сочетании с принятием социальной реальности, большую часть ответов составляли с явным нарушением согласованности: при наличии «радужных перспектив» и твердой уверенности в собственном успехе сама ситуация в стране и перспективы и перспективы развития политики и экономики в стране оцениваются негативно. Налицо нарушение восприятия непосредственного и опосредованного окружения. Это натолкнуло на мысль, что в массиве данных, собранных для изучения диффузной идентичности как

результата такого исключения, который главным образом характеризуется осознанным разрывом связи человека и общества. Для того, чтобы статистически показать отличия в согласованности восприятия социальной реальности у людей с диффузной идентичностью и принятием социальной реальности, мы вычислили α -Кронбаха для восприятия социальной реальности каждой из подгрупп (табл. 2).

Таблица 2. Вычисление α -Кронбаха для групп с различной структурой идентичности

Сложная	Простая	Диффузная		
		Отрицание реальности	Неопределённое отношение	Принятие реальности
0,864	0,808	0,909	0,791	0,348

Согласованность ответов в четырех из пяти групп (сложная идентичность, простая идентичность, диффузная идентичность с добровольным исключением, диффузная идентичность с неоднозначным отношением к принятию реальности) $\alpha = 0,8 \pm 0,1$, тогда как согласованность ответов в подгруппе с диффузной идентичностью и принятием социальной реальности $\alpha = 0,348$, что почти в 2 раза меньше. Мы считаем, что данная подгруппа представляет собой отдельный феномен, и исключаем ее из дальнейшего анализа.

Повторно проведя корреляционный анализ идентичности и принятия социальной реальности без учета подгруппы с диффузной идентичностью и принятием социальной реальности, мы получили сильную корреляцию $r=0,424$ при $p=0,01$. Для данной модели гипотеза-следствие 1.1. о связи исключения и нарушения структуры идентичности подтвердилась.

Вычисление корреляции между отвержением социальной реальности и низкими показателями оценочного компонента идентичности.

Как и в предыдущем случае, взаимосвязь заниженной самооценки и отвержения социальной реальности не подтвердилась. Причина этому становится понятной, если сравнить распределение самооценки и сложности структуры идентичности (табл. 3).

Таблица 3. Распределение показателей самооценки в трех структурах социальной идентичности

	Простая, \bar{m}	Сложная, \bar{m}	Диффузная, \bar{m}
Чувство контроля	4,53	5,08	5,12
Самозффективность	4,31	4,54	4,64
Социабильность	3,89	4,06	4,2

Если в показателях простой и сложной идентичности наблюдается устойчивое соотношение показателей самооценки, то самооценка людей с диффузной идентичностью неожиданно определяется самыми высокими показателями. Мы предполагаем, что высокие показатели самооценки у людей с диффузной идентичностью свидетельствуют о том, что она формируется по другому принципу и выполняет защитную функцию. Значимых корреляций между структурой идентичности и самооценкой у людей с диффузной идентичностью нет. Сравнение самооценки людей с диффузной идентичностью и разной выраженностью принятия социальной реальности представлена в таблице 4.

Таблица 4. Распределение показателей самооценки в группах с диффузной идентичностью с разной степенью принятия социальной реальности

	Отказ от принятия реальности, \bar{m}	Неоднозначное отношение, \bar{m}	Принятие, \bar{m}
Чувство контроля	5,12	4,87	5,21

Самоэффективнос ть	4,64	4,61	5,4
Социабильность	4,2	3,83	4,42

Как видно из таблицы, наблюдается устойчивое соотношение в самооценках трех подгрупп, причем у людей с частичным принятием она ниже, чем с полным принятием и отрицанием. У людей с диффузной идентичностью и полным принятием реальности наряду с максимальным несоответствием их собственных возможностей с оценкой социальной ситуации в стране наблюдается максимально высокая самооценка. Однако отсутствие значимых корреляций в сравнении трех групп людей с диффузной идентичностью и самооценкой не дало значимых корреляций, оставляя данные результаты только лишь тенденцией, нуждающейся в дальнейшей проверке.

Покажем, однако, что наше предположение о взаимосвязи заниженной самооценки и отвержения социальной реальности статистически верно. Для этого вычислим корреляцию между шкалами самооценки и шкалой принятия для людей с простой и сложной идентичностью. Результаты приведены в таблице 5.

Таблица 5. Взаимосвязь самооценки и отвержения социальной реальности у людей с простой и сложной структурой социальной идентичности

	Отвержение социальной реальности
Самоэффективность	$r=0,483$ $p=0,01$
Контроль	$r=0,412$ $p=0,01$
Социабильность	$r=0,355$ $p=0,05$

Связь между самооценкой и структурой социальной идентичности достаточно сильная, что частично подтверждает гипотезу-следствие 2.

Вычисление корреляции между отвержением социальной реальности и нарушением восприятия социальной реальности. Как и в предыдущих вычислениях, у людей с диффузной идентичностью наблюдается сильный разброс как в показателях принятия и конструирования социальной реальности. Результаты вычисления корреляций между степенью переживания принятия социальной системы и конструированием социальной реальности для респондентов с простой и сложной структурой идентичности приведены в таблице 6.

Таблица 6. Взаимосвязь принятие социальной реальности и восприятия социальной реальности у людей с простой и сложной структурой социальной идентичности

	Актуальная ситуация	Планирование	Гибкость	Социальная реальность	Развитие России	Удовлетворенность ситуацией
Принятие социальной реальности	$r=0,449$ $p=0,01$	$r=0,528$ $p=0,01$		$r=0,366$ $p=0,05$	$r=0,447$ $p=0,01$	$r=0,412$ $p=0,01$

Связь между отвержением социальной реальности и успешным конструированием социальной реальности достаточно сильная, что частично подтверждает гипотезу-следствие 3.

Нахождение взаимосвязь между нарушением структуры идентичности и нарушением восприятия социальной реальности.

Для проверки гипотезы 2 были вычислены процентные соотношения позитивных и негативных ответов в оценке восприятия социальной реальности у групп людей с разными структурами идентичности. Результаты по каждой из групп приводятся в гистограмме (рис. 1).

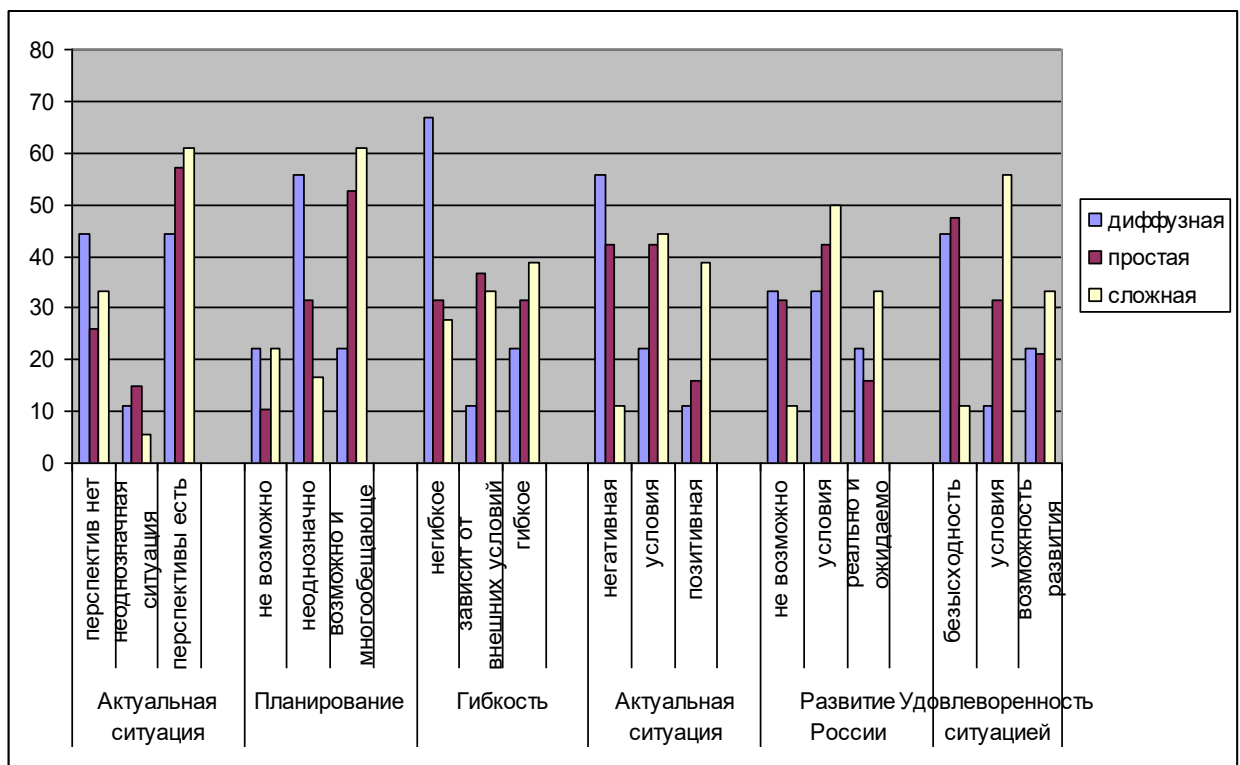

Рисунок 1. Распределение оценок социальной реальности в зависимости от сложности структуры идентичности

На гистограмме видно, что равномерно возрастают и убывают в зависимости от сложности идентичности такие параметры, как оценка

перспектив, неоднозначность планов, многообещающие планы, негибкое и гибкое поведение, негативная и позитивная оценки актуальной ситуации, бесперспективность в развитие страны, безысходность и возможность развития. Из гистограммы видно, что существует тенденция к более позитивному конструированию социальной реальности в зависимости от усложнения структуры социальной идентичности. Статистически такая тенденция подтвердилась для восприятия актуальной ситуации в стране ($r = 0,321$; $p = 0,05$) и своей собственной ($r = 0,374$; $p = 0,05$), а также для гибкости ($r = 0,319$; $p = 0,05$). Гипотеза 2 о взаимосвязи конструирования структуры идентичности и конструирования социальной реальности подтвердилась частично.

Таким образом, конструирование структуры идентичности и конструирование социальной реальности являются взаимосвязанными процессами. А также нарушение структуры идентичности, низкая самооценка и негативное восприятие социальной реальности взаимосвязаны с невозможностью принять социальную реальность.

Заключение

В данном исследовании была использована теория динамики идентичности Г. Брейквелл для построения взаимосвязи между человеком и социальной системой. Было предположено, что идентичность как социальный конструкт, включающий структурный и оценочный компоненты, строится одновременно с конструированием социальной реальности. Это происходит в результате механизмов проекции-интроекции, которые, с одной стороны обеспечивают ассимиляцию новых конструктов во внутренний план личности, и с другой – делает возможным проекцию собственных убеждений во внешний план. Однако эти механизмы нарушаются, если человек по каким-либо причинам не может принять социальную реальность, в которой живет. В эмпирическом

исследовании было показано, что невозможность принять социальную реальность действительно связана с нарушением как структурного, так и оценочного компонентов идентичности, а также с негативным восприятием реальности, невозможностью увидеть перспективы и возможности для жизни. Статистически достоверные корреляции между конструированием социальной реальности и структурным компонентом идентичности свидетельствует об их взаимной зависимости.

Слабые корреляции были вызваны большим разбросом ответов у людей с диффузной структурой идентичности. Причем этот разброс сохранялся для всех расчетов: вычисление принятия реальности, оценочного компонента и конструирования социальной реальности. Таким образом, была выявлена группа людей с диффузной идентичностью, принимающая социальную реальность, но демонстрирующая несоответствие внутри компонентов идентичности и восприятия социальной реальности: при несформированной структуре идентичности была обозначена позитивная самооценка, а также при положительной оценке ближнего окружения далее было окрашено негативно и не имело как настоящего, так и будущего. Поскольку значимых корреляций здесь выявлено не было, мы можем лишь предположить о существовании ложного принятия социальной реальности, при котором происходит расщепление элементов социальной идентичности и социальной реальности.

Механизм расщепления, когда негативные характеристики личности не могут быть интегрированы в ее структуру и выносятся вовне, широко известен в клинической психологии [Гантрип, 2010], но не рассматривался как возможный защитный механизм при взаимодействии психически здорового человека с социальной системой. Поэтому дальнейшее изучение случайно обнаруженного феномена представляется крайне важным. Далее,

доказательство взаимосвязей между отношением человека к социальной реальности, структурой его идентичности и конструированием социальной реальности позволяет в будущем построить регрессионную модели и найти односторонне линейные связи. Более того, в данную модель могут быть добавлены причины, по которым человек принимает, либо отвергает социальную реальность. Однако это требует дальнейшего теоретического изучения.

Литература:

1. Белинская Е.П. Взаимосвязь ценностных ориентаций и образа социального мира// Мир психологии, 2004. №3 (39). С. 97-102.
2. Боярцева А.В. Тест на самооффективность / А.В. Боярцева// Психология развития конкурентоспособности личности/ Л.М. Митина. – М.; Воронеж, 2003. – С. 217-219.
3. Гантрип Г. Шизоидные явления, объектные отношения и самость./ Пер. с англ. В. Старовойтов. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010. – 664 с.
4. Данилова Е., Ядов В. Контекстуально-лабильная социальная идентичность – норма современных динамических обществ// Социологические исследования – 2004, № 10.4. С. 12-22.
5. Иванова Н.Л. Исследование социальной идентичности у студентов педагогических ВУЗов// Идентичность и толерантность. Под ред. А.Н.Лебедевой. – Москва, 2002; С. 134-152.
6. Козлов М. Проблемы и механизмы развития психосоциальной идентичности в юношеском возрасте (на примере обских угров)// Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2002.

7. Панина Н. В. Индекс жизненной удовлетворенности //Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс-Культура. – 1993. – С. 107-114.
8. Панталеев С.Р. Методика исследования самоотношения. Москва, Смысл, 1993.
9. Суворова И.Ю. Социальная идентичность личности в системе отношений «человек-социальная среда»// Мир психологии (в печати).
10. Суворова И.Ю. Исследование психологического аспекта переживания социальной эксклюзии// Новое в психолого-педагогических исследованиях (в печати)
- 11.** Шамшикова О.Е., Волохова В.И. Адаптация опросника «Границы в психике» Эрнеста Хартмана. Материалы II всероссийской научно-практической конференции «Развитие человека в современном мире». 2011, с. 277 – 287.
12. Breakwell G.M. Resisting Representations and Identity Process. Paper on Social Representations, 2010. Vol. 19. P. 6.1-6.11. ISSN 1021-5573.
13. Breakwell G.M. Social Representations and Social Identity. Paper on Social Representations. 1993. Vol.2 (3). P. 193-217.
14. Bruner J. The autobiographical process //Current Sociology. – 1995. – Т. 43. – №. 2. – С. 161-177.
15. Gallimore R., Goldenberg C.N., Weisner T.S. The Social Construction and Subjective Reality of Activity Settings: Implications for Community Psychology// American Journal of Community Psychology. 1993. Vol. 21. №4. P. 537-559.
16. Lamy M.G., Liu J.H., Ward C. “Integrating paradigms, methodological implications”: Using history to embody Breakwell’s (1993) theoretical links between Social Identity Theory and Social Representations Theory// Paper on Social Representations, 2011, V. 20, P. 15.1-15.7.

17. Levine D.P. Identity, the Group, and Social Construction of Reality// Journal of the Psychoanalysis of Culture and Society. 1999. Vol.4,1. P. 81-91.
18. Lyons E., Breakwell G.M. Changing European Identities and Social Change in Europe: A Challenge for Social Psychology// Changing European identities: social psychological analyses of social change/ Edited by G.M. Breakwell and E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 3-13. ISBN 0 7506 3008 6.
19. Marcia J. E., Friedman M. L. Ego identity status in college women1 //Journal of personality. – 1970. – Т. 38. – №. 2. – С. 249-263.
20. Mummendey A., Mielke R., Wenzel M., Kanning U. Social Identity of East Germany: The Process of Unification between East and West Germany as a Challenge to Cope with ‘Negative Social Identity’// Changing European identities: social psychological analyses of social change/ Edited by G.M. Breakwell and E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 405-429. ISBN 0 7506 3008 6.
21. Suvorova I. The Social Identity and the Attitudes to Social Reality. Collection of Scientific Papers: Social Relations, Transformation and Trust. United Kingdom: Coventry University. 2014.
22. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila: Asian Development Bank, Office of Environment and Social development. 2000. 54 p.
23. Tajfel H. Intergroup Relations, Social Myths and Social Justice in Social Psychology// The Social Dimension. H. Tajfel. Cambridge: University Press, 1984. P. 695-714.
24. Trew K., Benson D. Dimensions of Social Identity in Northern Ireland// Changing European identities: social psychological analyses of social change/ Edited by G.M. Breakwell and E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 123-145. ISBN 0 7506 3008 6.

References:

1. Belinskaya E.P. Vzaimosvyaz tsennostnykh orientatsiy i obraza sotsialnogo mira// Mir psikhologii, 2004. #3 (39). S. 97-102.
2. Boyartseva A.V. Test na samoeffektivnost / A.V. Boyartseva// Psikhologiya razvitiya konkurentosposobnosti lichnosti/ L.M. Mitina. – M.; Voronezh, 2003. – S. 217-219.
3. Gantrip G. Shizoidnyie yavleniya, ob'ektnyie otnosheniya i samost./ Per. s angl. V. Starovoytov. M.: Institut obschegumanitarnykh issledovaniy, 2010. – 664 s.
4. Danilova E., Yadov V. Kontekstualno-labilnaya sotsialnaya identichnost – norma sovremennykh dinamicheskikh obschestv// Sotsiologicheskie issledovaniya – 2004, # 10.4. S. 12-22.
5. Ivanova N.L. Issledovanie sotsialnoy identichnosti u studentov pedagogicheskikh VUZov// Identichnost i tolerantnost. Pod red. A.N.Lebedevoy. – Moskva, 2002; S. 134-152.
6. Kozlov M. Problemy i mehanizmy razvitiya psihosotsialnoy identichnosti v yunosheskom vozraste (na primere obskikh ugrov)// Identichnost i tolerantnost / Pod red. N. M. Lebedevoy. M.: Izd-vo In-ta etnologii i antropologii RAN, 2002.
7. Panina N. V. Indeks zhiznennoy udovletvorennosti //Lifeline i drugie novyie metody psikhologii zhiznennogo puti. M.: Progress-Kultura. – 1993. – S. 107-114.
8. Pantileev S.R. Metodika issledovaniya samootnosheniya. Moskva, Smyisl, 1993.
9. Suvorova I.Yu. Sotsialnaya identichnost lichnosti v sisteme otnosheniy «chelovek-sotsialnaya sreda»// Mir psikhologii (v pechati).
10. Suvorova I.Yu. Issledovanie psihologicheskogo aspekta perezhivaniya sotsialnoy eksklyuzii// Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh (v pechati)
11. Shamshikova O.E., Volohova V.I. Adaptatsiya oprosnika «Granitsyi v psihike» Ernesta Hartmana. Materialyi II vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Razvitie cheloveka v sovremennom mire». 2011, s. 277 – 287.

12. Breakwell G.M. Resisting Representations and Identity Process. Paper on Social Representations, 2010. Vol. 19. P. 6.1-6.11. ISSN 1021-5573.
13. Breakwell G.M. Social Representations and Social Identity. Paper on Social Representations. 1993. Vol.2 (3). P. 193-217.
14. Bruner J. The autobiographical process //Current Sociology. – 1995. – Т. 43. – №. 2. – С. 161-177.
15. Gallimore R., Goldenberg C.N., Weisner T.S. The Social Construction and Subjective Reality of Activity Settings: Implications for Community Psychology// American Journal of Community Psychology. 1993. Vol. 21. №4. P. 537-559.
16. Lamy M.G., Liu J.H., Ward C. “Integrating paradigms, methodological implications”: Using history to embody Breakwell’s (1993) theoretical links between Social Identity Theory and Social Representations Theory// Paper on Social Representations, 2011, V. 20, P. 15.1-15.7.
17. Levine D.P. Identity, the Group, and Social Construction of Reality// Journal of the Psychoanalysis of Culture and Society. 1999. Vol.4,1. P. 81-91.
18. Lyons E., Breakwell G.M. Changing European Identities and Social Change in Europe: A Challenge for Social Psychology// Changing European identities: social psychological analyses of social change/ Edited by G.M. Breakwell and E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 3-13. ISBN 0 7506 3008 6.
19. Marcia J. E., Friedman M. L. Ego identity status in college women //Journal of personality. – 1970. – Т. 38. – №. 2. – С. 249-263.
20. Mummendey A., Mielke R., Wenzel M., Kanning U. Social Identity of East Germany: The Process of Unification between East and West Germany as a Challenge to Cope with ‘Negative Social Identity’// Changing European identities: social psychological analyses of social change/ Edited by G.M. Breakwell and E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 405-429. ISBN 0 7506 3008 6.

21. Suvorova I. The Social Identity and the Attitudes to Social Reality. Collection of Scientific Papers: Social Relations, Transformation and Trust. United Kingdom: Coventry University. 2014.
22. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila: Asian Development Bank, Office of Environment and Social development. 2000. 54 p.
23. Tajfel H. Intergroup Relations, Social Myths and Social Justice in Social Psychology// The Social Dimension. H. Tajfel. Cambridge: University Press, 1984. P. 695-714.
24. Trew K., Benson D. Dimensions of Social Identity in Northern Ireland// Changing European identities: social psychological analyses of social change/ Edited by G.M. Breakwell and E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 123-145. ISBN 0 7506 3008 6.